

Мы нашли папу «Одессы-мамы» и того, кто ночевал с «ненаглядной певуньей»

СМОТРИТЕ — КТО

— Иногда мне становится тошно. А в голову лезут мысли, что я жалкий неудачник и не состоялся как личность, — говорит художник и поэт Евгений Агранович. — Но в эту трудную минуту я знаю, что мне вспомнить. Политехнический музей. 6 декабря 2001 года. Я стою на сцене, с которой читали Пастернака, Маяковский, Есенин. Только что спел свою песню из фильма «Офицеры». Ведущий объявляет, что сегодня 60 лет нашему контраступлению под Москвой, где у меня было боевое крещение. Откидные кресла гремят, как залп. Зал встает. И какие, скажите, мне после этого, к чертовой матери, нужны «Мерседесы»?!

Мы стоим посреди музея миниатюрных резных скульптур, в который десятилетиями превращалась его одна комната квартира на самом верхнем этаже дома-башни. У Евгения Даниловича Аграновича глаза знающего войну и мир человека. Это наша вторая встреча.

Первая была в лесу. Год назад Аграновича пригласили на слет любителей авторской песни. Толпа ряженых в рваные тельняшки и вытертые шторомовки почтительно обтекала его прямую фигуру. А он посреди этого потока возвышался в безукоризненной белоснежной паре с усталым достоинством знатного путешественника, который решил скротить время до вечного приема у английской королевы.

Впрочем, свадебным лордом в палаточном городке Агранович не был. Темпераменту и артистизму, с которыми он выступал на сцене между трех сосен, и молодые могли позавидовать. Хотя публично выступать он начал в том возрасте, когда, по его же словам, «у старикашки всегда существует соблазн лечь на диван и спокойно дожидаться кремации».

Самоирония — надежное оружие Аграновича. Главным образом щит.

До войны у студента Литинститута Жени Аграновича такой, как сегодня, потребности в щите не было.

— Я тогда некоторым образом нравился всем, — вспоминает Евгений Данилович. — В институте меня сразу полюбили. Ребята избрали старостой курса. Но уже после первого года все мои друзья-сокурсники что-то да напечатали. Ни единой строчки у Данилыча вашего не было. В печати. А вот по Москве ходило.

Юный друг Аграновича Борис Смоленский, который тогда бредил штурмами и парусами, написал первые четыре строчки морской песни. Дальше не знал куда повернуть. Продолжил Агранович. Так появилась знаменитая «Одесса-мама», которая моментально обросла популярностью и легендами. Агранович и Смоленский на официальной регистрации своего творения не настаивали.

— Я не предлагал ее даже в газету. — Агранович снова с головой уходит в то время, когда еще жив был его соавтор, погибший на Карельском фронте. — Хотя прямой контроля в ней не было никакой. Но способность смеяться по-своему уже являлась контролем. Чего стоит, например, строчка «А Сашка Пушкин тем и знаменит, что здесь он вспомнил чудного мгновенья». Ну кто мог в те времена называть канонизированного официальной пропагандой Пушкина Сашкой? Или даже ироническое упоминание Бабеля, чье имя старались вообще не произносить. К тому моменту, когда песня ходила по компаниям с гита-

рами и без гитар, вся Москва знала, что он арестован и расстрелян.

Первое международное признание, тоже неофициальное и анонимное, Евгений Агранович получил на фронте. Правда, случилось это только в 1945 году. А в 1941-м рядовой сформированного из студентов-добровольцев истребительного батальона, ротный запевала Агранович выполнял приказ батальонного комиссара: отступающим подразделениям нужна была строевая песня.

— Что петь? — И сегодня тот давний вопрос Аграновича звучит как «Гамлетовский». — «Если завтра война, если завтра в поход?» «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин?» Глупо и неприлично. Мы же отступали. И я использовал перевод из Киплинга: «Пыль, пыль, пыль, пыль от шагающих сапог. Отпуска нет на войне». Эти слова через день пел весь батальон.

Под шарканье армейских сапог рождались новые строчки. Песню Киплинга и Аграновича запела вначале дивизия, потом армия. Отдельные куплеты долетали и до других фронтов Великой Отечественной. Во время встречи с союзниками на Эльбе американцы, которые недолюбливали англичан и понятия не имели, кто такой Киплинг, тоже запели русскую строевую песню. Портреты их звучала так же ритмично, как и по-русски. Лет через двадцать пять после той весны Агранович по одному из «Голосов» сквозь треск глушил снова услышал знакомые киплинговские строчки в обрамлении сочиненной им мелодии.

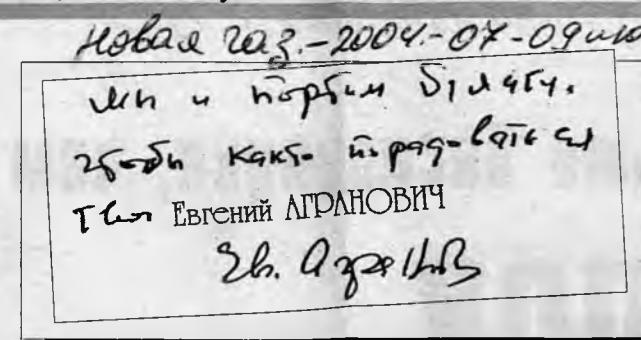
Свою самую знаменитую песню Евгений Агранович написал на заказ.

— После войны я все-таки окончил Литинститут, — снова вспоминает Агранович.

— Работал корреспондентом в одной скромной редакции. Много ездил в командировки. Писал большими полосами.

Но однажды что-то сорвалось в курьику по поводу борьбы с космополитизмом. Моментально настучали, в компании нашелся дятел. Из газеты выпал с треском.

Хорошо, что хоть на улицу, а не на лесоповал. Так я оказался на киностудии имени Горького в дубляжном цехе. Моя должность называлась «автор русского текста песен дублируемых картин». До меня там работал Михаил Аркадьевич Светлов. Он полученный по договору аванс употребил на очень хороший птицезадочный коньяк. Аванс вернуть не смог, а писать сценарий отказался на отрез. И его посадили. В тот же самый дубляжный цех. Он довольно грамотно и пристально субтитры эти переводил. Как только сумма зарплаты сравнялась с его долгом, он, буквально на той же строке, встал, откланялся и

Неохота было в стол работать. Меня, например, спрашивали: «Вот ты пишешь от первого лица. Неужели ты видел «брязильских болот малярийный туман»? Я «брязильских болот малярийный туман», конечно, не видел. Зато видел людей, которые оттуда возвращались. И разговаривал с ними. Ведь в войсках Рокоссовского, где я

фильма». И услышал в ответ: «Не психуй. Автор перед тобой». И все посмотрели на Аграновича.

После того как на экраны вышел приключенческий фильм «Ошибка резидента», о судьбе одного из пропавших сыновей Родины-матери пела уже вся страна.

Имя Евгения Аграновича попало даже в титры. Но пе-

Неизвестный автор знаменитых песен

Евгений Агранович не сделал из песен профессию, зато из своей квартиры сделал музей

удалился. Я же для студии был такой находкой, как и они для меня. Высовываться же мне было никак нельзя. И так еле-еле выскоцил.

К 1954 году Евгений Агранович уже обжил павильоны на киностудии имени Горького основательно. И режиссер, который снимал шпионский детектив «Ночной патруль» с Марком Бернесом в главной роли, заказал песню для героя Марка Бернеса. Бернес рвался ее исполнить в кадре. Но руководство киностудии знаменитую сегодня «Я в весеннем лесу пил березовый сок...» не принял.

— В нашем консервативном кинематографе, если вы один раз удачно сыграли бандита, то будете играть бандита до седых волос, — опять иронизирует Евгений Данилович. — Я же монопольно 12 лет делал русский текст песен всех дублируемых картин. Куплеты из «Возраста

люви» с Лолитой Торрес, из «Бродяги» с Раджем Капуром — все мои. Вся страна пела. Когда же дирекции сообщили, что переводчик стихов Женя Агранович написал песню, то они очень удивились. Вместо меня одного на эту работу пригласили известного композитора и, пожалуй, лучшего в те годы поэта-песенника. Сочинили. Марк Бернес ее спел. Эта песня забывалась сразу после того, как она прозвучала. А мою песню, которая в фильм не пошла, я привычно пустил по магнитофонам и компаниям.

— Неужели слова о ненаглядной певунье, с которой по-

счастлилось ночевать в стогу, придумываются на заказ?

— спрашиваю я. — «И вино кабаков, и тоску лагерей...» — такое разве на заказ пишется?

— Идея такой песни в моей голове и душе носилась еще с фронта, — объясняет Агранович. — Просто ее воплощение я все откладывал.

служил, никакой СМЕРШ не мог запретить ставить «перемещенных лиц» в строй, чтобы и у них был шанс испытать в боях свою вину.

Песня «перемещенных лиц», как называл ее в те годы автор, вышла из полу-подполья неожиданно. Лет через пятнадцать после со-зования. На Байкале. Во времена дождя, который вынудил съемочную группу укрыться в нетопленой бане. Под рукой оказалась гитара. Когда одна из актрис спела «Я в весен-нем лесу...», режиссер Вениамин Дорман чуть ли не до потолка подпрыгнул: «Где взять слова? Кто автор? Это же песня для моего следующего

нюю быстро стали приписывать известному актеру, который исполнил ее в кадре. Авторство Евгения Аграновича никто, конечно, не отрицал. Его просто замалчивали.

— Это я первые этапы проходил легко. Как дело доходило до подписи какого-то ответственного лица, то получалось, что я не такой, как все. — «Не такой, как все» произносится с ударением. — Что меня очень раздражает в жизни, так это растиражированная безнравственность. Как-то я узнал о том, как китобойная флотилия китов ловит. Бионики смоделировали китовый SOS. Киты на этот звук бросаются на помощь.

О скользя, скользя, мамочка моя,
Ой мамочка, роди меня обратно!

1938

Я в весеннем лесу пил березовый сок...

Евгений Агранович

(из к/ф «Ошибка резидента»)

Я в весеннем лесу пил березовый сок,
С ненаглядной певуньей в стогу ночевал...
Что имел — потерял, что любил — не сберег,
Был я смел и удачив, а счастья не знал.

И носило меня, как осенний листок.
Я менял города и менял имена.

Нагысался я пылью заморских городов,
Где не пахли цветы, не блестела луна.

И окружки я за борт бросал в океан,
Проклинал красоту островов и морей,
И бразильских болот малярийный туман,
И вино кабаков, и тоску лагерей...

Зачеркнуть бы всю жизнь и сначала начать,
Прилететь к ненаглядной певунье моей!
Да вот только узнает ли Родина-мать
Одного из пропавших своих сыновей?

Я в весеннем лесу пил березовый сок...

Песня про Одессу-маму

Стихи Бориса Смоленского

и Евгения Аграновича

Музыка

Евгения Аграновича

В тумане тают белые огни...

Сегодня мы уходим в море прямо.

Поговорим за берега твои,

Родимая моя Одесса-мама.

Мне здесь родиться было суждено

И каждый день любить тебя впервые.

Ах, больше мне не пить твое вино

И клешем не утижить мостовые.

Мы все хватаем звездочек с небес.

Наш город гениальностью известен:

Утесов Лени — парень фун Одесс,

И Вера Инбер — бабель из Одессы.

Сам Арасфер — старик-космополит,

Лечил в Одессе стрепанные нервы,

В своих трудах он прямо говорит:

«Одесса — это мама номер первый!»

Был Одиссей бесспорно одессит,

За это вам не может быть сомненья!

А Сашка Пушкин тем и знаменит,

Что здесь он вспомнил чудного мгновенья.

Ты мне один-единственный маяк,

Мне жить теперь так грустно и отвратно...